

---

---

НАУЧНЫЕ  
ОБСУЖДЕНИЯ

---

---

**КРИЗИС В РОССИИ – ВЗГЛЯД ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА,  
СЕГОДНЯ И ЗАВТРА\***

© 2011 г. В.Н. Лившиц, Т.И. Тищенко, М.П. Фролова

(Москва)

Анализируется характер современного кризиса в России. Показано, что он является долгосрочным и системным, затронул все отрасли и регионы России и все сферы – экономическую, социальную, инвестиционную и др. Отмечено, что главной причиной развития кризиса является неэффективная тактика проведения радикальных реформ в стране – согласно российскому варианту монетаристской макроэкономической теории. Дается краткий сравнительный анализ результатов реформ в России и Китае, где они проведены по эволюционной тактике и гораздо более успешно.

**Ключевые слова:** финансовый кризис, системный кризис, монетаристская теория, Вашингтонский консенсус, стационарная и нестационарная экономика, стратегия и тактика реформ, государственное регулирование экономики.

Подчеркнем сначала одну не очень существенную, но примечательную особенность нашего кризиса: если с его начала, т.е. с августа–сентября 2008 г., обратиться к любому виду нашего СМИ (теле- и радиопередачам, массовой и научной, книжной и газетной продукции и т.д.) и даже просто послушать дежурные выступления представителей нашей бизнес-элиты и государственных чиновников высокого ранга, то прежде всего бросается в глаза “смена пластинки”. Вместо привычного радостного славословия о том, что на фоне уже более года длившегося мирового финансового кризиса в силу мудрой политики нашего государства и особенно его финансовых служб (Минфина России и ЦБ РФ), вовремя создавших и подложивших куда надо “подушку финансовой безопасности”, Россия представляет собой “остров стабильности” и “финансовый кризис нам не грозит”. Более того, мы в финансовом плане даже поможем или сможем помочь другим, терпящим финансовое бедствие странам и т.п. Уже стало привычным применительно к России многократное упоминание слова “кризис” и обсуждение его негативных последствий в разных странах. И у нас заговорили о падении производства, дефиците бюджета, банкротствах компаний, увольнении работников и росте безработицы, снижении реальных доходов, заработной платы и уровня жизни основной массы населения, возрастании социальной напряженности.

Обычно при этом подчеркивали два обстоятельства: первое, что кризис к нам пришел с Запада, конкретно – из США, и второе, что нынешний кризис там является глобальным, т.е. мировым, и это – не обычный дежурный спад делового цикла, каких было в позапрошлом и прошлом веке много, а самый глубокий после Великой депрессии 1930-х годов, соизмеримый с ней по негативным последствиям кризис. Невольно возникает вопрос из “Введения” к недавно опубликованному бестселлеру, выпущенному в том числе и в России, известного французского политика, экономиста и теоретика “нового порядка” Ж. Аттали: “Как могло такое случиться? Казалось, в мире все было благополучно. Политологи предсказывали расцвет свободы личности и инициатив граждан в самых отдаленных уголках планеты. Начала сдавать бедность в странах Азии и Латинской Америки. Общемировой экономический подъем побил все исторические рекорды. Мощный демографический рост, наличие огромных сбережений и необычайный технический прогресс вселили надежду на дальнейшее развитие цивилизации как минимум ближайшие 10 лет” (Аттали, 2009, с. 7)<sup>1</sup>.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 09-02-00159а).

<sup>1</sup> “Наступил важный период экономического роста, самого значительного за всю историю человечества. Он сопровождался повышением уровня жизни среднего класса, присоединившихся стран и даже уменьшением количества бедных. Впервые сократилось число людей, живущих менее чем на 2 долл. в сутки: с 1982 по 2002 г. оно снизилось с 60 до 50% в Азии и с 44 до 30% в Латинской Америке” (Аттали, 2009, с. 7).

Эта ситуация неожиданно сменилась на противоположную: “и вдруг человечество оказалось на пороге депрессии планетарного масштаба, пожалуй, самой тяжелой за последние 80 лет” (Там же). Однако утверждать, что такого никогда не было, нельзя. По крайней мере, однажды очень похожие события уже проходили, в том числе и в США, откуда, по общему мнению, пришел сегодняшний кризис. Действительно, вспомним эту страну в период, предшествовавший Великой депрессии. 1920-е годы в США были кульминацией “классического капитализма” – страна процветала. Президент Кулидж, продолжая внутреннюю политику своего предшественника Хардинга – установление высоких импортных тарифов и сокращение налогов, поддерживал ключевую роль США в мировой экономике, широкое распространение в стране массового производства, основанного на конвейерных технологиях. Он имел все основания накануне президентских выборов в конце 1928 г. утверждать, что страна находится в небывало благополучном состоянии, к тому же и следующий 1929 г. начался вполне безмятежно. Казалось, что для населения наступило “золотое время” – экономика бурно росла, уровень безработицы был вполне приемлемым, курсы акций, а с ними доходы американцев почти весь год монотонно и интенсивно росли. Сложилось представление, что еще немного, еще чуть-чуть и все, что обещал на предыдущих выборах действующий президент США Герберт Гувер (“каждой американской семье – автомобиль, каждую субботу – индейку в супе” и т.п.), скоро наступит. И вдруг... “черный вторник” 29 октября 1929 г. И все посыпалось. Наступило резкое падение производства и занятости, уровня жизни американцев, банкротство многих предприятий и т.д., наступила Великая депрессия. В итоге до того уверенный в победе либерал Гувер, считавший, что народ в рыночных условиях должен сам, без участия государства, решать свои экономические проблемы, проигрывает на следующих выборах в декабре 1932 г. президентский пост Франклину Делано Рузвельту, который, тоже охотно используя в предвыборной кампании обещания либерального толка, затем вскоре после победы энергично задействовал методы государственного управления для вывода экономики из депрессивного состояния. В частности, администрация Рузвельта в 1933 г., когда нужно было избежать паники, приостанавливала деятельность всей банковской системы, издавая постановления типа: “Все сейфовые ячейки в банках и финансовых учреждениях опечатаны... и их разрешается открывать только в присутствии представителя налоговой службы...”. Все это давало заметный позитивный эффект, так как представлялось, что главная причина возникновения Великой депрессии состояла именно в том, что в период президентства Гувера (и даже ранее) пущенная “на самотек по рыночным волнам” американская экономика не смогла отрегулировать необходимое соответствие между финансовым и реальным секторами, что в конечном итоге и привело к разрушению обоих – падению и объемов реального производства, и стоимости бизнеса, а следовательно, стоимости акций и индексов фондового рынка.

В значительной мере, хотя и с большими особенностями подобный ход событий повторился уже в XXI в. и привел к глобальному, затронувшему практически все развитые страны мировому экономическому кризису. Вот уж действительно цивилизация и ее властные дирижеры лишней раз убедительно показали, что “история учит тому, что она их ничему не учит”. Новый кризис времен глобализации разразился снова потому, что “наступили на те же грабли” – теперь уже недопустимо раздули финансовый сектор, особенно в части деривативов, мировой объем которых к началу кризиса (в рамках господства либеральной макроэкономической концепции) достиг фантастической величины – около 800 трлн долл., т.е. на порядок превысил мировой объем реального ВВП. К тому же и другие финансовые сектора (например, банковский, фондового рынка и т.д.) тоже стали совершать недопустимые действия – формировать огромные финансовые пузыри, строить финансовые пирамиды<sup>2</sup>, в массовом порядке выдавать необеспеченные высокорисковые кредиты (в том числе ипотечные) без надежного залога. И опять, невзирая на очень популярные на Западе, включая США, и усиленно пропагандируемые ими в экспортном исполнении через своих зарубежных советников теоретические концепции о целесообразности невмешательства государства в рыночную экономику, о ее эффективном саморегулировании, реальная практика показывает, что это не совсем так или, точнее, совсем не так. Как только всерьез затрясло, иллюзии и мифы о саморегулировании рынка, недопустимости участия в нем государства и т.д. были начисто забыты и западный бизнес (в том числе американские корпорации и банки)

<sup>2</sup> В связи с этим уместно вспомнить беспрецедентное “дело МэдOFFа”, главы биржи NASDAQ, “заработавшего” за строительство финансовой пирамиды 150 лет тюремного заключения.

с протянутой рукой запросил помощи и стал опираться на мощную поддержку государства, в том числе и крупную финансовую<sup>3</sup>.

Все это имеет к нам прямое отношение, так как, по существу, российский бизнес и менеджмент с упорством, явно заслуживающим другого применения, копируют ситуацию своих западных “родственников” – от предкризисной эйфории и веры во всякие мифы, в том числе и в саморегулирование рынка, до втягивания в еще более глубокий кризис и жалобного обращения к “скорой государственной помощи”.

Сегодня, обсуждая различные проблемы, связанные с кризисом в России, прежде всего хочется разобраться в возникшей “позавчера”, если считать день за год, т.е. примерно полтора-два года назад, сказке-версии о том, что *мы, как и в конце прошлого, двадцатого, века, неожиданно оказались в крепких объятиях финансового кризиса, внезапно свалившегося “как снег на голову” в августе–сентябре 2008 г. из заморских, американских, краев на ничего плохого не подозревавшую и благополучно и интенсивно развивавшуюся перед этим почти 10 лет нашу страну.* Представляется, что такой распространенный взгляд на характер российского кризиса очень удобен для наших топ-менеджеров всех ветвей российской власти<sup>4</sup>, но вряд ли правильный. Нетрудно убедиться в том, что он уязвим по всем приведенным позициям, если на ситуацию в стране и на кризис посмотреть системно, т.е. проанализировать, что ему предшествовало, как в это время наши ведущие менеджеры *de facto* оценивали ситуацию в мире и нашей стране и какая проводилась государственная финансовая и социально-экономическая политики. Окажется все не совсем так: *и снег, если и свалился, то на не совсем или, точнее, совсем не здравую голову, и кризис появился не неожиданно в августе–сентябре позапрошлого года, а намного раньше – в 1992 г. Да и сам кризис – совсем не только финансово-экономический, а гораздо более многоплановый – системный*<sup>5</sup>. *И в основном он не заморский, а наш родной – отечественный, и не внезапно он свалился, а оказался вполне рукотворным, долго нашими “мастерами от экономики и финансов” творившийся, хотя, как вскоре оказалось, и не вполне ведавшими, что творят.*

Лучше всего об этом говорят практические действия и неоднократные предшествовавшие кризису выступления “дирижеров” российской экономической и финансовой политики, а также составленные Росстатом сухие статистические данные о динамике макропоказателей – экономических, социальных, финансовых. Остановимся вкратце сначала на предкризисных выступлениях наших “мастеров”. Так, например, выступая в июне 2008 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме глава Минфина России А.Л. Кудрин констатировал: “...В любом случае потрясения России не грозят, тем более что и мировой кризис пошел на спад” (Каледина, 2008, с. 7). Ему на том же форуме согласованно и не менее оптимистично вторил вице-премьер И. Шувалов: “К концу этого года Россия станет шестой по размеру экономикой в мире. В стране сформированы базовые экономические институты. Они создают основу для устойчивого функционирования рыночной экономики” (Савиных, Реут, 2008). Спустя несколько месяцев песни изменились. Действительно, и тут, и там возникли в непривычных размерах негативные явления – заметные финансовые трудности у бизнеса, проблемы в получении кредита, грядущие

<sup>3</sup> Спустя полвека после реформ Рузвельта “гуру рыночной системы”, автор капиталистического бестселлера “Новое индустриальное общество” (1967) в своей очередной книге (Гэлбрейт, 1986, с. 49) напишет: «Когда Ф.Д.Р. вступил на президентский пост в марте 1933 г., экономическое положение было настолько отчаянным, что для деловых и финансовых кругов он явился ангелом-спасителем. Даже Морганы публично выражали радость. К 1934 г. положение настолько улучшилось, что его мероприятия в пользу фермеров и безработных, его стремление отойти от экономической ортодоксии перестали нравиться. Про Рузвельта говорили не иначе как “тот человек из Белого дома” и “предатель своего класса”... На Рузвельта не действовала критика со стороны тех, кто, подобно ему, был выходцем из привилегированного класса, как и со стороны тех, кто, заботясь якобы о морали или деле, хотел получить материальную выгоду».

<sup>4</sup> Придерживающимся позиции: “мы все делали и делаем наилучшим образом, но кто же может предусмотреть землетрясение или извержение финансового вулкана...”.

<sup>5</sup> То, что современный кризис в России не только финансовый и не новоявленный, а вызван неэффективно проведенными реформами, отмечали многие российские экономисты и политики: так, первый мэр Москвы и президент Вольного экономического общества России и Международного союза экономистов Г.Х. Попов во время выступления на собрании Ассоциации народных депутатов СССР высказал следующую мысль: “Сначала о самом кризисе. Одни считают, что это кризис финансовый. Другие говорят о кризисе международных отношений. Третьи – об экологическом кризисе. Я считаю, что речь идет о глобальном комплексном кризисе, в котором неразрывно связаны и финансовый кризис, и военный кризис, и загрязнение окружающей среды, и многое другое” (Попов, 2008, с. 4).

весомые сокращения сотрудников банков и фирм и, как следствие, беспрецедентный для России рост безработицы, резкое падение рейтингов компаний, индексов и курсов акций на валютных биржах, непривычно активное, нацеленное на помощь бизнесу вмешательство в экономику со стороны государства и т.д. Проблемы эти серьезны, но все же, думается, их следует отнести к относительно краткосрочным. И есть основания полагать, что они могут быть и будут разрешены и в мире, и тем более в России еще в этом году или, в крайнем случае, в начале будущего десятилетия. И произойдет это в том числе потому, что в России еще “вчера”, т.е. в предшествующем финансовому кризису периоде, внешнеэкономические условия (и прежде всего высокие мировые цены на продукцию нашего экспорта, особенно на энергоносители) были весьма благоприятными и практически почти все важные внутренние макроэкономические индикаторы в течение всех предкризисных лет XXI в. в России имели вполне достойную динамику. В течение всего *второго тучного периода*<sup>6</sup> интенсивно рос ВВП и продукция экспорта, в том числе промышленности, со значительным профицитом сводился бюджет, были накоплены огромные (к августу 2008 г. – около 600 млрд долл.) золотовалютные резервы, созданы весьма впечатляющие фонды – Стабилизационный, а затем Резервный и Национального благосостояния и др.

Другой вопрос – насколько эффективно все эти возможности использовались, а вот здесь особенно хвастаться не приходится. В актив можно записать, пожалуй, только массивное погашение внешнего государственного долга. Огромные финансовые ресурсы, по существу, не были вложены в развитие российской экономики, так как на их значительную часть были куплены иностранные государственные (например, казначейские билеты США) или корпоративные долгосрочные ценные бумаги иностранных конкурентов нашего бизнеса, казавшиеся тогда вполне надежными, но обернувшиеся на деле рисковыми и низкодоходными. В это же время наш бизнес под относительно немалые проценты, причем нередко и под государственные гарантии, набрал на Западе весьма большие кредиты (в том числе и предприятия со значительным государственным пакетом акций)<sup>7</sup>, по-видимому, надеясь рассчитывать по ним с помощью новых займов. Но в период мирового финансового кризиса надежды на реинвестирование, естественно, не оправдываются. И эта ситуация дополнительно усугубляет наши трудности. От России потребовались огромные выплаты – более 130 млрд долл. нерезидентам уже в 2008 г., немало и в кризисный 2009-й, и в последующие годы.

Конечно, наши текущие трудности вызваны не только неразумной государственной экономической и финансовой политикой, когда из-за боязни высокой инфляции (которая все равно в 2008 г. оказалась значительно больше планировавшейся Минфином России хотя бы потому, что ее большая часть, в отличие от того, что думали и думают наши финансовые структуры и их лидеры, имеет немонетарный характер) бизнес, не получая кредитов внутри страны, был вынужден на невыгодных условиях набрать кредиты за рубежом. В этом смысле наши текущие финансовые трудности в значительной мере имеют рукотворный характер, также как и те их составляющие, которые имеют место из-за продолжающихся, а порой и интенсифицирующихся процессов передела собственности, часто неразумного разгосударствления и приватизации вполне эффективно работающей государственной собственности.

Однако дело также и в том, что в глобализирующемся мире в период мирового спада активности, банкротств известных банков, массовых неплатежей и невозвратов кредитов и т.д. экономике России как части этого мира полностью остаться “в белой рубашке, когда все кругом в...” не представлялось возможным, особенно на фоне других, на наш взгляд, гораздо более серьезных социальных и инвестиционных проблем долгосрочного характера, которые возникли в нашей стране вследствие проведенных в ней провальных реформ 1990-х годов, “вогнавших”

<sup>6</sup> Весь минувший почти двадцатилетний период реформирования нашей экономики и социума (1991–2009 гг.) нередко разделяют на три периода: первый (1991–1999 гг.), обычно называемый *провальным периодом* реформ, *второй* (2000 г. – осень 2008 г.), называемый *тучным периодом* реформирования российской экономики, и *третий* (осень 2008 г. – конец 2009 г.) – *кризисным периодом*.

<sup>7</sup> В итоге по данным Росстата “за I полугодие 2008 г. внешний долг РФ вырос с 463,5 до 527,1 млрд долл. (32,8% ВВП). При этом государственный внешний долг сократился на 7,5 млрд долл. и составил на 1 июля 38,9 млрд долл. (2,3% ВВП). Внешний долг частного сектора за январь–июнь увеличился на 71,1 млрд долл. – с 417,2 до 488,3 млрд долл. (30,4% ВВП)...” Золотовалютные же резервы Банка России “с 1 сентября по 1 декабря 2008 г. сократились на 126,5 млрд – до 455,7 млрд долл.”. Таким образом, “общая сумма внешнего корпоративного долга при этом уже превысила золотовалютные запасы страны”.

население страны и ее экономику в состоянии глубокого социально-экономического кризиса. На решение именно этих долгосрочных проблем и в свое время, когда они возникали, и сейчас должно, казалось бы, быть направлено основное внимание управленческих структур государства и бизнеса (прежде всего крупного). Но... мы по-прежнему живем по российскому принципу “пока гром не грянет, мужик не перекрестится”. Поэтому, по существу, обсуждаемые, а порой и принимаемые антикризисные меры в основном нацелены лишь на смягчение последствий или в лучшем случае – на предупреждение их возникновения и усиления в рамках текущего финансового кризиса. А как только чуть засветило солнышко, т.е. показались проблески не падения, а некоторого роста ВВП и другие создающие надежды макроэкономические ростки в начале 2010 г., так сразу дружно наши ведающие экономикой и финансами страны структуры заговорили об окончании кризиса. В их деятельности проявились в явной форме (а неявными они были и во время кризиса) попытки снова вернуться к полностью дискредитировавшей себя у нас, да и во всем мире тоже, праволиберальной политике монетаристского толка. На самом же деле кризис далеко не закончился и, как уже отмечалось, имеет гораздо более сложный – системный, и прежде всего инвестиционный, характер. И соответственно его диагностика, изучение, разработка направлений и конкретных мер борьбы с ним тоже должны быть системными, хотя бы даже потому, что кризисная ситуация фактически имеет место во всех регионах страны, во всех ее социальных сферах и отраслях, а для некоторых из них, особенно естественно-монопольных, имеющих сетевую структуру (например, для железнодорожного транспорта, электроэнергетики и др.), именно системный аспект является определяющим для эффективного выхода из кризиса и нормализации ситуации.

Конечно, в период глобализации наш ведущий менеджмент в своей предкризисной непрофессиональной эйфории не оказался одиноким – такая же картина была и на Западе. Здесь тоже почти никто не бил тревогу, а рисовал довольно безоблачный финансовый пейзаж. Впрочем, если судить по указанным выше заявлениям, в том числе действовавших тогда президентов США Кулиджа, Гувера и др., подобная ситуация была там и перед Великой депрессией 1930-х годов, которая, казалось бы, тамошних “мастеров” должна была научить “правилам приличного рыночного поведения”. Жизнь показала, что этого не произошло, и поэтому напрашивается вопрос (его задают многие, включая британскую королеву)<sup>8</sup>, почему же ни на Западе, ни в США, ни в Европе, где сейчас живут и работают самые известные ученые-экономисты рыночного толка и практически все живые лауреаты премии памяти А. Нобеля по экономике, кризис не предупредили? Трудно дать корректный ответ на этот вопрос. Одно из многих (разделяемых нами) объяснений, приведенное в уже упомянутой книге известного французского политика, экономиста и социолога Жака Аттали, выглядит так: «Практика показывает, что в погоне за огромной сверхприбылью не обратили внимания и на прямые предупреждения о грядущем близком глубоком кризисе, которые 18 августа 2004 г. газета *Financial Times* поместила под заголов-

<sup>8</sup> Этот вопрос: “Why few economists had foreseen the credit crunch?” она задала во время посещения Лондонской школы экономики в ноябре 2008 г. А 22 июля 2009 г. она получила ответ от профессоров Тима Бесли (Tim Besley) и Питера Хеннеси (Peter Hennesy), суть которого широко освещалась в британских СМИ. Свой собственный, существенно иной ответ королеве, по сути, присоединившись к ранее прозвучавшим высказываниям лауреатов премии памяти А. Нобеля Рональда Коуза, Василия Леонтьева и Мильтона Фридмана, дали 10 ведущих британских экономистов, включая академических членов топ-университетов. По их мнению, причина – в недостатках обучения экономистов, их узкой подготовке фактически не по экономике, а прикладной математике (“ten economists argue that economists has become largely transformed into a branch of applied mathematics, with little contact with the real world...”). Таково же мнение М. Алле, который “внес в экономическую науку логическую строгость математика” (Алле, 1995, с. 13). В своей публичной лекции 23 октября 1967 г. в Институте высших международных исследований в Женеве М. Алле отметил, что (с. 39) “целые области экономики, наиболее многочисленные при нынешнем состоянии нашего знания, могут изучать – причем превосходным образом – без помощи математики. Но есть и другие, где математика необходима”. И далее предупредил, что (с. 41) “в экономике отмечается явление, аналогичное тому, которое наблюдалось во Франции в области механики. Отдельные курсы по механике, физической науке *par excellence* были сведены к перечню математических теорем... Сегодня складывается впечатление, что экономика рассматривается всего-навсего как предмет для занятия математикой, а сходству с действительностью предпочитают элегантность математических доказательств. Нередко блестящие с эстетической точки зрения теории строятся на сомнительных, а то и противоречащих фактам гипотезах”. Позднее аналогичное беспокойство в связи с чрезмерной математизацией экономической науки высказали также ряд других нобелевских лауреатов, в том числе совсем недавно – 2 сентября 2009 г. – с похожей декларацией выступил и нобелевский лауреат по экономике уже этого века Пол Кругман, которого вскоре подержал Дуглас Норт, а еще почти за месяц – 2000 других подписантов (90% из США и 10% из Великобритании).

ком “Америка с комфортом движется к разорению”, на заявление 21 декабря 2004 г. ныне очень престижного профессора экономики Нью-Йоркского университета Нуриэля Рубини об обрушении доллара в 2005 или 2006 г., на мнение лауреата премии памяти Альфреда Нобеля по экономике из Парижа Мориса Алле о близости финансового кризиса, на предсказания маргинала из Нью-Йорка профессора Мински о грядущем пятифазном кризисе с последней фазой – паника – в 2009 г. и т.д.» (Аттали, 2009, с. 9). И все-таки дело не просто в беззаботности, невнимательности или чрезмерной авантюристике американских и европейских воротил бизнеса. Дело в том, что “корень зла – либерализация экономики без учета демократических противовесов повсеместно приводит к увеличению доли прибыли в национальном доходе и, в частности, в финансовом секторе: в 1960 г. они составляли 14% валового дохода американских предприятий, а в 2008 г. – 39%... Это ведет к неравенству роста доходов – 1% самого богатого американского населения присваивает около 16% национального дохода (против 7% в 1948 г.)” (Аттали, 2009, с. 52).

О глубине возникшего системного кризиса в России можно судить по его “брендовым” последствиям – понижению рейтинга нашей страны в списке 10 наиболее развитых стран, данным в табл. 1, и по приведенной ниже в табл. 2–4 динамике значений основных макропоказателей, составленной согласно информации Росстата.

**Таблица 1.** Ранжирование стран мира по объему ВВП и оценкам с учетом ППС

Место в десятке	1970 г.	1989 г.	1998 г.	2007 г.
1	США	США	США	США
2	Россия	Япония	Китай	Китай
3	Япония	Россия	Япония	Япония
4	Германия	Германия	Германия	Индия
5	Франция	Китай	Индия	Германия
6	Великобритания	Франция	Франция	Россия
7	Италия	Италия	Италия	Великобритания
8	Китай	Великобритания	Великобритания	Франция
9	Индия	Индия	Бразилия	Италия
10	Украина	Бразилия	Россия	Бразилия

Источник: (Аганбегян, 2009, с. 18).

Даже беглый анализ приведенных в табл. 2–4 данных приводит к следующим совсем не оптимистичным выводам: *во-первых, динамика показателей совершенно не соответствует характеру нормальной стационарной рыночной экономики, которую согласно официальным заявлениям в России путем реформ пытались создать, а является, по существу, нестационарной. И, во-вторых, в результате проведенных в 1990-е годы реформ страна оказалась в ситуации глубокого системного социально-экономического кризиса.*

Действительно, согласно приведенным данным в 1990-е годы, т.е. в рассматриваемом *первом провальном периоде реформ*, в которые экономика большинства развитых стран Запада и Востока и благополучие их жителей довольно интенсивно росли, причем на инновационной основе, в России соответствующие изменения после реализации мероприятий Вашингтонского консенсуса выглядели совсем иначе – никакого растущего тренда, да и нормального рыночного цикла в экономике России вообще не было. ВВП страны, уровни промышленного, сельскохозяйственного производства и т.д. упали примерно вдвое, уровень реальных доходов населения существенно снизился, накопленные им в предыдущие годы сбережения сразу “съела” гиперинфляция, инвестиции в реальное производство недопустимо и многократно сократились и соответственно выросли износ оборудования, аварийность, степень его устаревания и др. При этом приходится отметить, что появился ряд весьма негативных признаков: многие миллионы россиян с доходами ниже фактически нищенского прожиточного минимума, бездомные, не обучающиеся в школах дети, средний возраст оборудования, превышающий 10 лет, и др. – все эти беспрецедентные для послевоенного периода нашей страны явления, которые в советское время наблюдались, пожалуй, лишь в годы революции и Гражданской войны.

Таблица 2. Динамика макроэкономических показателей Российской Федерации

Показатель	Годы																	
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Валовой внутренний продукт:																		
млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.)	1.4	19	171.5	610.7	1429	2008	2343	2630	4823	7306	8944	10 831	13 243	17 048	21 625	26 904	33 111	41 668
% к предыдущему году	95	85.5	91.3	87.3	95.9	96.4	101.4	94.7	106.4	110.0	105.1	104.7	107.3	107.2	106.4	107.7	108.1	105.6
% к 1990 г.	95	81.2	74.2	64.7	62.0	59.8	60.7	57.4	61.1	67.2	70.6	73.9	79.3	85.0	90.5	97.2	105.1	110.9
Продукция промышленности:																		
млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.)	1.3	18.5	129	384	1108	1469	1626	1707	3150	4763	5881	6868	8498	11 209	13 634	17 025	19 615	23 559
% к предыдущему году	92	84	86	79	95.4	95.0	101.9	94.8	111.0	112.0	104.9	104.7	107.0	106.1	104.0	106.3	106.3	102.1
% к 1990 г.	92	75	65	51	49.5	47.0	47.9	45.4	50.4	56.4	59.2	61.4	65.7	69.7	72.5	77.1	81.9	83.6
Продукция сельского хозяйства:																		
млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.)	0.26	2.66	22.4	73.7	203.9	287	309	308	607	774.1	964	1028	1154.9	1345.2	1494.6	1711.3	1940.5	2602.7
% к предыдущему году	95.5	90.6	95.6	88	92	94.9	101.5	86.8	104.1	107.7	107.5	101.5	101.3	103.0	102.3	103.6	103.4	110.8
% к 1990 г.	95.5	86	82	72	66.2	62.9	63.8	55.4	57.7	62.1	66.8	67.8	68.7	70.8	72.4	75.0	77.5	85.9
Инвестиции в основной капитал:																		
млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.)	0.2	2.7	27.1	108.8	267.0	376.0	408.8	407.1	670.4	1165.2	1504.7	1762.4	2186.4	2865.0	3611.1	4730.0	6716.2	8764.9
% к предыдущему году	85	60.3	88	76	89.9	81.9	95.0	88.0	105.3	117.4	110.0	102.8	112.5	113.7	110.9	116.7	122.7	109.8
% к 1990 г.	85	51	45	34	30.6	25.0	23.8	20.9	22.0	25.9	28.5	29.3	32.9	36.8	40.7	47.5	58.3	64.0
Иностранные инвестиции – всего, млрд долл. США*	1.5		1.4	1.1	3.0	7.0	12.3	11.8	9.6	11.0	14.3	19.8	29.7	40.5	53.7	55.1	120.9	103.8
Накопленные иностранные инвестиции – всего, млрд долл. США*	1.5		2.9	4.0	7.0	14.0	26.3	38.1	47.7	58.7	73.0	92.8	122.5	163.0	216.7	271.8	392.7	496.5

\* Включая все виды иностранных инвестиций в основной капитал (прямые, портфельные и пр.), а также их рублевые поступления, пересчитанные в доллары США.

Таблица 3. Динамика социальных показателей Российской Федерации

Показатель	Годы																	
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность населения, млн человек с коррекцией по переписи 2002 г.	148.16	148.33	148.3	148.0	147.94	147.61	147.14	146.74	146.33	145.56	144.82	143.96	144.2	143.5	142.8	142.2	142.0	141.9
Реальные денежные доходы:																		
% к предыдущему году	116	52.5	116.4	112.9	84.9	100.5	105.7	84.1	87.7	112.0	110.1	111.1	115.0	110.4	112.4	113.5	112.1	102.9
% к 1990 г.	116	60.9	70.9	80.0	67.9	68.3	72.2	60.7	53.2	59.6	65.7	73.0	83.9	92.6	104.1	118.2	130.8	134.6
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума:																		
млн человек	...	49.7	46.9	33.3	36.5	32.3	30.3	34	41.2	42.3	40.0	35.6	29.3	25.2	25.2	21.5	18.7	19.0*
% от общей численности	...	33.5	31.5	22.4	24.8	22.0	20.7	23.3	28.3	29.1	27.5	24.5	20.3	17.5	17.6	15.1	13.3	13.5*
Среднемесячная начисленная заработная плата: реальная (с учетом индекса потребительских цен), % к предыдущему году	...	67	100.4	92	72	106	105	87	78	120.9	119.9	116.2	110.9	110.6	112.6	113.3	117.2	110.3
в ценах 1991 г., руб. (до 1998 г. – тыс. руб.)	0.548	6	58.7	220.4	472.4	790.2	950.2	1051.5	1522.6	2223.4	3240.4	4360.3	5498.5	6739.5	8554.9	10 593	13 527	17 226
в долларах США	...	22	57	91	103	157	163	170(60)**	85	79	111	139	179	234	303	391	529	586
Величина прожиточного минимума, руб. в месяц, все население	...	1.9	20.6	86.6	264.1	369.4	411.2	493.3	907.8	1210	1500	1808	2112	2376	3018	3422	3847	4559*
Экономически активное население, млн человек	73.8	75.06	72.95	70.49	70.74	69.66	68.08	67.34	72.18	72.33	71.41	72.42	72.84	72.91	73.81	74.16	75.05	75.89
Число безработных, млн человек (по методике МОТ)	...	3.9	4.2	5.5	6.7	6.7	8.1	8.9	9.1	7.1	6.3	6.2	5.7	5.8	5.2	5.0	4.3	5.3

\* Январь–сентябрь 2008 г.

\*\* В скобках указан показатель после дефолта.

Таблица 4. Динамика финансовых показателей Российской Федерации

Показатель	Годы																	
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Дефицит (-) и профицит (+) консолидированного бюджета, % к ВВП	-1.9	-3.4	-4.6	-10.7	-3.4	-4.0	-5.4	-5.9	-0.9	1.9	2.9	0.9	1.3	4.5	8.1	8.4	6.0	4.8
Индекс инфляции: декабрь к декабрю предыдущего года, разы (с 1995 г. - %)	2.6	26.1	9.4	3.1	231.3	121.8	111.0	184.4	136.5	120.2	118.6	115.1	112.0	111.7	110.9	109.0	111.9	113.3
по отношению к 1990 г., разы	2.6	67.86	637.9	1978	4574	5571	6184	11 403	15 565	18 709	22 189	25 540	28 605	31 952	35 435	38 624	43 220	48 969
Дефлятор ВВП, разы	-	-	-	-	-	1.5	1.2	1.2	1.7	1.4	1.2	1.2	1.1	1.2	1.19	1.16	1.14	1.19
Доля М2 в ВВП, %	68.6	33.7	19.4	16.1	15.5	12.8	14.5	15.8	12.0	15.8	15.5	17.3	24.3	25.6	28.0	33.4	40.0	32.4
Доля М0 в М2, %	19.8	26.6	40.0	36.5	36.6	35.0	33.9	41.9	37.8	36.3	36.2	35.8	35.7	35.2	33.2	31.0	27.9	28.1
М0, млрд руб. (до 1998 г. - трлн руб.), на конец года*	0.19	1.7	13.3	35.7	80.8	103.4	130.4	187.8	266.6	418.90	583.8	763.2	1147	1534.8	2009.2	2785.2	3702.2	3794.8
М2, млрд руб. (до 1998 г. - трлн руб.), на конец года*	0.96	6.4	33.2	97.8	220.8	295.2	384.5	448.3	704.7	1154.4	1612.6	2134.5	3212.7	4363.3	6044.7	8995.8	13 272	13 493
Официальный курс доллара США, руб. / долл. США, на конец периода	169	414.5	1247	3550	4640	5560	5960	20.65	27	28.16	30.14	31.78	29.45	27.75	28.78	26.33	24.55	29.38
Ставка рефинансирования ЦБ, %, на конец года	20	80	210	180	160	48	28	60	55	25	25	21	16	13	12	11	10	13

\* Данные с 2000 г. приведены по методологии, принятой в 2004 г., с учетом начисленных процентов по депозитам физических лиц и нефинансовых организаций.

Возникает естественный вопрос: что было главной причиной такого хода реформ в 1990-е годы? Вкратце<sup>9</sup> ответ на этот вопрос представляется следующим: «Такой причиной являются не происки ЦРУ, козни международных финансовых организаций (Всемирный банк, МВФ и т.д.) и даже не корыстолюбие и коррумпированность многих “новых русских”, государственных чиновников и др. Приходится признать, что все это реально имело и имеет место в беспрецедентных масштабах. Но главное – совсем другое. *Главной причиной неудачи радикальных экономических реформ в России является неправильно выбранная теоретическая концепция их проведения – по монетаристским рецептам в их российском исполнении*, к тому же реализованная “быстро и просто”, как на заре перестройки сформулировал один из лидеров демократических преобразований в России. И что удивительно, эта оперативно осуществленная глобальная тактическая ошибка с ее катастрофическими для России последствиями была допущена в рамках правильной теоретической стратегии реформирования – перехода от централизованно-плановой системы государственного управления всем и вся к управляемой рыночной экономике».

Необходимо, конечно, пояснить, что имеется в виду, когда говорится о неправильной тактике реформирования нашей экономики. Речь идет об известном джентльменском наборе мероприятий Вашингтонского консенсуса (прежде всего шоковой терапии, т.е. разовой либерализации цен на товары и ресурсы, глобальной приватизации государственной собственности, по-российски выполненной финансовой стабилизации и др.). Правда, именно этот набор МВФ и другие “куривавшие” нашу радикальную реформу международные организации, в значительной степени руководствуясь положениями принятой у них либеральной теоретической концепции монетаристского толка, рекомендовали всем трансформировавшим экономику бывшим социалистическим странам Восточной Европы и республикам Советского Союза, практически независимо от их специфики. Справедливая критика процесса и результатов осуществления их рекомендаций, в том числе и в России, приведена, например, в книге Дж. Стиглица (Стиглиц, 2003), одна из глав которой так и называется “Кто потерял Россию?” (Там же, с. 165–200). В этой главе автор указывает, что “Россия получила совсем не то, что обещали ей сторонники рыночной экономики или на что она надеялась”.

Характерно, что в эти же экстремально кризисные для России 1990-е годы в проводившем тоже рыночные реформы, но без “шоковой терапии” Китае ВВП, объем промышленности и многие другие важные макропоказатели не упали, а более чем удвоились, да и число жителей Китая, фактически живущих по международным нормам нищеты (имеющих доходы менее 1 долл. США в день), уменьшилось почти на порядок, до нескольких десятков миллионов человек, хотя и до реформ, и после “культурной революции” их было несколько сотен миллионов. Да и в развитии производства, в том числе на инновационной базе, они, в отличие от нас, в эти годы неплохо преуспели.

В итоге все 10 лет у них – высокие темпы роста экономики, значительное повышение конкурентоспособности продукции, выпускаемой в стране (в Китае, не в России), массовое овладение новыми рынками, в том числе в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки. В чем причина такого несомненного успеха – по этому поводу есть различные мнения, но в беспрецедентном успехе китайских реформ никто не сомневается. Возможно, дело в том, что, как справедливо отмечается в статье руководителей Национального института экономических исследований КНР (Ван, Фан, 2009, с. 54–70), “несмотря на то что государство продолжает играть в экономике важную роль, единая командно-административная система давно отменена... Частный сектор, включая предприятия, акционерные компании и компании с участием иностранного капитала, стал преобладающим... За 1978–2008 гг. средний показатель роста ВВП в Китае составил 9.8%, что на 4 процентных пункта выше, чем в дореформенный период (1952–1978 гг.). По данным Национального статистического управления и Мирового банка, ВВП в постоянных ценах в среднем вырос в 16 раз, а экономика по масштабам превысила показатели России, Канады, Италии, Франции, Великобритании и Германии. Страна вышла на третье место в мире. Вместе с тем среднечеловеческий показатель ВВП в Китае до сих пор низкий. В 1978 г. он составил примерно 220 долл., а в 2008 г. – 3250 долл. По паритету покупательной способности (по расчетам Мирового банка) среднечеловеческий ВНП в 2006 г. оценен в 4660 долл.”. И далее авторы конкретизируют

<sup>9</sup> Развернутая аргументация ответа дана, например, в монографиях (Лившиц В., Лившиц С., 2008, 2010).

свои выводы: “В 1978 г. сельское население, живущее за чертой бедности, насчитывало 250 млн человек, или 1/3 всех жителей аграрных районов. В 2007 г. оно сократилось до 15 млн (2%)”<sup>10</sup>. Экономисты предлагали несколько объяснений различной эффективности реформ в России и Китае. И хотя единого мнения не сложилось, общепризнано, что ключевыми факторами служат темпы и последовательность преобразований. В отличие от “шоковой терапии” по российскому образцу, в Китае переход к рыночной экономике осуществлялся поэтапно. Аналитики называли это движение “постепенным”, “эволюционным” или “экспериментальным”. Такой подход способствовал нивелированию шоковых черт трансформации, оставляя возможность для корректировки ошибок, достижения целей макроэкономической стабилизации и построения институтов. В то время как старый механизм централизованного управления постепенно заменялся рыночным, поддерживались темпы экономического роста.

Но дело все же, наверное, не только в этом, а есть еще и иные, в том числе психологические, причины.

Возможно, как отмечает Всеволод Овчинников в упомянутой статье, дело в том, что теперь пекинское руководство намерено превратить страну в «мировую лабораторию, которая бы не заимствовала чужие технологии, а стала равноправным участником научно-технического прогресса. И тут оказалось, что древние конфуцианские традиции и в наши дни дают Поднебесной важные преимущества. Китайцам генетически присущ культ учености – представление о том, что только образование способно возвысить человека. Это придавало даже феодальным отношениям элемент демократизма. В течение двух тысяч лет государственных служащих в Китае подбирали на основе открытых конкурсных экзаменов. Претенденты состязались в знании конфуцианских текстов и умении руководствоваться ими при решении насущных житейских проблем. Культ учености привел к тому, что китайские вузы уже сейчас выпускают в четыре раза больше инженеров, чем американские. А КНР уже третий год поставляет на мировой рынок больше продукции информационных технологий, чем США и ЕС. Свыше 300 млрд долл. в китайском экспорте составляют интегральные схемы, компьютеры, мобильные телефоны и их компоненты... Перспективная программа создания “экономики знаний” ставит целью за 15 предстоящих лет сократить зависимость Китая от иностранных технологий до 30%. Черты “меритократии”, которые были присущи китайскому феодализму, сохранились не только в культе учености, но и в традиционной системе “отбора самородков”... Эта же традиционная система задействована и при формировании интеллектуальной элиты, которой предстоит создавать “экономику знаний”. Скорее всего именно в этом – воспитании необходимой, ориентированной в значительной мере не на всемерное личное обогащение, а на интересы своей страны и ее Великого народа, и зиждется причина полученных и грядущих огромных социально-экономических успехов КНР. Немаловажно при этом, что, сохранив свою руководящую роль в обществе, китайская компартия неизменно подчеркивала, что для успешного перехода от плановой экономики к рыночной

<sup>10</sup> Примерно так же представляет ситуацию в Китае известный журналист и писатель-востоковед В. Овчинников в статье (Овчинников, 2010, с. 5). Он называет три основных слагаемых китайской формулы успеха: “Во-первых, это эффективное государственное регулирование экономики (особенно в финансовой области). Во-вторых, неуклонный рост внутреннего потребительского спроса в результате исторической победы над бедностью. И, в-третьих, щедрые вложения в инфраструктуру как ключевое звено антикризисных мер”. И указывает полученные результаты: «ВВП КНР в 2009 г. достиг 4,6 трлн долл., или по 3500 долл. на душу населения. Начиная реформы, Дэн Сяопин мечтал, что к столетию КНР, т.е. к 2049 г., необходимо довести эту цифру до 4000 долл., или до уровня таких среднеразвитых стран, как Греция и Португалия. Ныне уже нет сомнений, что заветная цель патриарха китайских реформ – довести валовой внутренний продукт Китая до 6 трлн долл. при полутора миллиардном населении – будет достигнута гораздо раньше – в ближайшие годы. Пока же в результате тридцати лет успешных экономических реформ вместо 250 млн человек, пребывавших в абсолютной бедности, появилось 250 млн “новых китайцев”. То есть людей, которые не только едят досыта и носят одежду без заплаток, но и считают критериями своего благополучия не термос и велосипед, а приобретение собственной квартиры и автомашины. Сокращение числа бедняков с 250 до 24 млн человек, т.е. с 25 до 2% населения, означало историческую победу над нищетой. Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ стал больше покупать... Словно гигантский пылесос, Китай впитывает половину экспорта стран Азиатско-Тихоокеанского региона... В 2009 г. жители КНР приобрели 12,7 млн автомашин против 9,8 млн в США. Таким образом, Поднебесная впервые стала крупнейшим автомобильным рынком. ...За последние несколько лет в стране проложили 60 тыс. км скоростных автострад. По этому показателю впереди остались только США, где в годы Великой депрессии Рузвельт боролся с безработицей строительством хайвеев. Что же касается Западной Европы, то она уже позади. Включая Германию, где Гитлер в 1930-е годы сделал главным видом общественных работ прокладку автобанов».

необходимы как паруса частного предпринимательства, так и штурвал государственного регулирования».

И совсем иначе выглядят результаты перехода к рыночной экономике в России. Сегодня пессимистическая оценка результатов реформирования экономики нашей страны почти ни у кого из “не побывавших наверху у власти” профессионалов-экономистов, да и представителей “широкой общественности” не вызывает возражений. Возрастает и понимание того, что для выхода из глубокого социально-экономического кризиса, который переживает страна весь период реформирования из-за экономической политики 1990-х годов, первостепенное значение имеет активизация именно инвестиционной деятельности в сфере реального производства. Без этого невозможен подъем недопустимо изношенного и устаревшего за 1990-е годы промышленного и сельскохозяйственного производства, решение в обозримом периоде наиболее важных социальных проблем, долго обещанный и долгосрочный устойчивый рост на основе стратегии и технологий “экономики знаний”. Конечно, это потребует от всех трех ветвей российской власти нетривиального поведения и принятия нетривиальных решений. Эти решения должны быть ориентированы, как обосновывается в уже упомянутых монографиях (Лившиц В., Лившиц С., 2008, 2010), на переход от осуществлявшейся, по существу, по монетаристским рецептам все два периода реформирования российской экономики (1991 г. – осень 2008 г.) политики “слабого государства в экономике”, ориентированной в основном на интересы относительно небольшой элитной группы наиболее обеспеченных россиян (аффилированных к олигархическому банковскому и промышленному бизнесу – всего около 130 тыс. человек, т.е. меньше 0,1% населения), к политике “сильного государства в экономике”, ориентированной на интересы основной массы россиян (не менее 130 млн человек). Следует отметить, что определенные, порой заметные элементы этой политики появились в третьем периоде, по-видимому, под давлением кризиса и, возможно, влияния результатов китайских реформ.

Причины гораздо большей успешности реформ в Китае, по нашему мнению, исчерпывающе изложены в (Ван, Фан, 2009, с. 58) и вкратце заключаются в следующем.

«Во-первых, преобразования, проводимые в Китае, в основном способствовали улучшению положения всего или, по крайней мере, большей части населения, поэтому в целом они могут быть названы процессом достижения оптимума по Парето. Российские реформы на первом их этапе улучшили ситуацию только для некоторых социальных групп с определенными интересами, однако при этом усугубили положение большинства граждан.

Во-вторых, по большей части реформы в Китае были изначально predeterminedены, нередко в ходе многочисленных политических дебатов и практических экспериментов отбрасывались такие политические варианты, которые соответствовали интересам только небольших групп заинтересованных лиц, и отбирались, напротив, те, что способствовали улучшению положения большинства населения. В России же методы “шоковой терапии” вводились и определялись только высшим руководством и небольшой группой элиты.

В-третьих, результаты реформ в России и Китае указывают на тесную взаимосвязь экономических показателей и распределения собственности, в том смысле, что реформы, соответствующие интересам всех групп населения, как правило, приводят к более высоким экономическим результатам. Таким образом, приоритетность интересов общества в политике реформ оказывается ключевой не только по политическим, но и экономическим причинам».

Естественно, переход к политике “сильного государства в экономике” потребует разработки и реализации всеми тремя ветвями власти соответствующих положений и мероприятий по изменению государственной социально-экономической и финансовой политики, и вряд ли этот процесс, если он начнет осуществляться, не встретит сопротивления. Тем не менее интересно, что последнее время нешаблонные предложения частично с компонентами в направлении “сильного государства в экономике” стали высказывать и некоторые видные политики. Раньше с ними регулярно выступали, например, такие известные ученые-экономисты, как академики РАН Д.С. Львов, Н.Я. Петраков, Е.М. Примаков и др. Теперь, что представляется несколько неожиданным, их высказывал (теперь уже бывший) мэр Москвы Ю. Лужков, который, согласно (Соколов, 2009), во время презентации своей очередной книги выдвинул проект национализации крупных состояний. Представляя свой труд “Транскапитализм и Россия”, он отметил: “Олигар-

хи набрали 500 млрд долгов... Повесили такую страшную гирию! И отдать не могут, потому что потратили средства черт знает на что. Средство же от гири есть – государство должно отобрать (имения у олигархов), но не для того, чтобы потом владеть ими, это был бы госкапитализм, а для того, чтобы привести их в порядок, а затем передать тем эффективным собственникам, которые эту собственность купят по рыночным ценам”.

А, может быть, хочется сказать, иногда и вообще продавать не надо будет, если с общественной точки зрения, а порой при этом одновременно и с коммерческой окажется более эффективнее в том или ином случае сохранять активы в государственной собственности. Ведь никто еще на серьезном, непопулистском, уровне не доказал, что такого быть не может. Есть же немало, в том числе в социальной сфере, эффективно работающих предприятий с преобладающей, вплоть до 100%, долей государственной собственности. Зачем их приватизировать, неясно. Ведь надежды на то, что при этом они будут работать еще эффективнее, часто иллюзорны. Стоит напомнить, что от кризиса никто не застрахован. Практика же последних лет показала, что в период кризиса (во время третьего периода реформ) именно государство спасло многие приватизированные предприятия, в том числе и олигархического масштаба, от финансового краха и фактически скупки их иностранцами за бесценок.

Таким образом, варианты выхода из существующей ситуации системного кризиса в России есть, и выбирать надо наиболее эффективные – путем соответствующих корректных инвестиционных расчетов, а не по корыстным соображениям тех или иных элитных групп нередко криминального или околокриминального характера. Иными словами, при проведении разумной политики “*сильного государства в экономике*” оснований для глобального пессимизма на самом деле нет, тем более что и в начальных условиях наметился позитивный тренд. Вот уже и финансовый кризис заметно ослабел – уже идут дискуссии о том, будет ли темп роста ВВП в 2010 г. в России 2–3 или 3–4%, или еще выше? Нет и не намечается и катастрофического падения цен на мировом рынке на нашу, пока основную экспортную продукцию, производимую природоэксплуатирующим комплексом страны. Да и опыт разумного реформирования и впечатляющих успехов даже в кризисный период нашего восточного соседа – Китая, который “вчера”, т.е. в кризисном 2009 г. (табл. 5), лишь снизил темпы роста ВВП с 9.8 до 8.7% и на хорошем уровне держит другие показатели, тоже дает заряд оптимизма.

**Таблица 5.** Россия и страны мира: итоги 2009 г., %

Страна	ВВП	Безработица	Инфляция	Бюджетный дефицит к ВВП	Госдолг к ВВП	ВВП 2010 (прогноз)
Россия	-7.9	8.6	8.8	5.9*	8.2*	4.0
США	-2.4	9.3	2.0	12.5	83.2	3.0
Франция	-2.2	9.4	0.1	7.5	77.6	1.3
Германия	-5.0	7.4	0.8	3.3	73.2	1.3
Казахстан	1.2	6.6	6.3	3.0	9.9	3.1
Беларусь	0.2	1.4	10.1	0.7	16.5**	2.3
Украина	-15.1	9.6	12.3	2.1	33.4	2.1
Китай	8.7	4.3	0.7	2.2	22	9.6
Бразилия	-0.2	8.1	4.3	3.5	48	4.5
Индия	6.4	9.5	15.0	6.8	45	8.2

\* Федеральное правительство.

\*\* Внешний долг.

Источник: Минэкономразвития России.

Все эти соображения укрепляют уверенность в том, что при проведении в России аналогичной по смыслу, но адаптированной к особенностям нашей страны, умной и эффективной политики “*сильного государства в экономике*” мы с нашими даже уменьшившимися из-за отъездов за рубеж интеллектуальными и интенсивно изымаемыми для экспорта природными ресурсами все равно “обречены” на великое будущее. Но все же с нефтегазовой иглы постепенно надо переходить на инновационный и сильно диверсифицированный путь развития. И переходить, опираясь не на связанные с рынком мифы, а на научные исследования выбора пути дальнейшей реформации экономики и социума России, опираясь на активное изучение положительного и отрицательного отечественного и зарубежного опыта и российской специфики. При этом опираться следует в том числе на понимание того, что в нашей государственной экономической политике явно недоиспользован эффективный опыт рыночного реформирования экономики Китая, у которого результаты политики “*сильного государства в экономике*” без праволиберальных мифов, “шоковой терапии” и т.п. кардинально лучше, чем у России, уже почти 20 лет проводящей рыночные преобразования согласно принципам и конкретным рекомендациям Вашингтонского консенсуса и политики “*слабого государства в экономике*”.

Немаловажно отметить и то, что согласно (Леонов, 2010) «эксперты ООН называют Китай единственной страной, для которой кризис стал точкой перестройки экономики на инновационные рельсы. Китай и в кризис продолжает лидировать в мире по темпам внедрения технологий и высокотехнологичных продуктов, по объемам научно-технических исследований. Доля науки и технотемной продукции в стоимости китайского экспорта – одна из максимальных в мире: свыше 40%... В разгар кризиса в мае 2009 г. Госсовет КНР дополнительно выделил на финансирование приоритетных научных программ 4.8 млрд долл. ...Российский антикризисный бюджет предусматривает сокращение инвестиций в науку: так, расходы на фундаментальные исследования ужались с 84.5 до 76.5 млрд руб. (2.3 млрд долл.), прикладные урезаны на 2 млрд руб., оборонные исследования – на 11 млрд руб. Вклад остальных бюджетных источников финансирования мизерен – так, вся ФЦП “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы” “весит” 19.5 млрд руб. (600 млн долл.)».

Не случайно следующее разумному курсу Дэн Сяопина китайское правительство рыночные преобразования осуществляло иначе, чем мы в России, – эволюционным путем, без “шоковой терапии” и других радикально-либеральных глупостей. И в итоге все 1990-е годы их экономика развивалась рекордными темпами, их ВВП не упал, как у нас, а непрерывно и интенсивно рос. Ежегодные же иностранные инвестиции в совсем недемократический Китай были на порядок больше, чем в демократическую Россию, и т.д.

Да и долларовых миллионеров в Китае “воспитали” более 250 тыс. – больше, чем в России. Хотя официальных долларовых миллиардеров-олигархов там как будто не числится, если не считать четырех гонконговцев.

По почти единодушному мнению аналитиков, Китай в минувшие 15 лет развивался очень высокими темпами (табл. 6) и создал потенциал для дальнейшего роста. Так, например, в статье (Меньшиков, 2007, с. 17) прогнозируется, что в 2027 г., т.е. примерно через 20 лет, экономически наиболее сильными странами будут: Китай – 23.3% мирового ВВП; США – 17.2; Индия – 7.0; Япония – 5.8; Россия – 5.5%.

Китайский, да и российский опыт реформирования заставляет нас более внимательно относиться к реальной ситуации в стране, проверке целесообразности осуществления в ней тех или иных конкретных мероприятий, в том числе и очень популярных сейчас институциональных преобразований. Мало того, что они числятся в ранге рыночных и демократических. И совсем недостаточно, что они успешно используются десятилетиями или даже веками в других странах. В России они порой весьма своеобразно реализуются, но выглядят и, главное, приводят к другим, часто весьма негативным социально-экономическим последствиям. Этого надо избежать. И тогда можно будет надеяться на то, что россиянам станет доступным прогноз великого Джона Мейнарда Кейнса, разработанный в 1931 г. Он был обращен к внукам – на 100 лет. В этом прогнозе он предположил, что “при отсутствии больших войн и значительного роста населения экономическая проблема будет решена, или по крайней мере будет близка к решению, в течение ближайших 100 лет... когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных

**Таблица 6.** Экономические показатели в России и Китае в период реформ, млрд долл.

Показатель	Китай	Россия (бывший СССР)	Китай / Россия, %
ВВП (по паритету покупательной способности 1990 г.):			
1978 г.	935	1018	92
2003 г.	6188	914	677
Рост с 1978 до 2003 г., %	662	90	
Среднедушевой ВВП (по паритету покупательной способности 1990 г.), долл.:			
1978 г.	978	7420	13
2003 г.	4803	6323	76
Рост с 1978 по 2003 г., %	491	85	

Источник: (Maddison, 2007, tabl. 4.4–4.5, p. 102).

задач общества, изменятся многие нормы морали... Мы установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами – в отличие от уважения к деньгам как средству достижения жизненных удовольствий и ценностей – будет считаться постыдным заболеванием... мы сумеем вернуться к некоторым наиболее ясным и недвусмысленным принципам религии и традиционной добродетели: что алчность – грех, что давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна..." (Кейнс, 2009, с. 60–69).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аганбегян А.Г.** (2009): Кризис: беда и шанс для России. Проект Россия. М.: Астрель.
- Алле М.** (1995): Экономика как наука. М.: РГУ.
- Аттали Ж.** (2009): Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер.
- Ван С., Фан Г.** (2009): Уроки экономических преобразований в Китае и России // *Мир перемен*. № 4.
- Гэлбрейт Дж.** (1986): Жизнь в наше время. М.: Прогресс.
- Каледина А.** (2008): Глава Минфина отменил кризис // *Известия*. № 103. 9 июня.
- Кейнс Дж.М.** (2009): Экономические возможности наших внуков (1931) // *Вопр. экономики*. № 6.
- Леонов А.** (2010): Шанс не для нас // *Российская бизнес-газета*. № 702 (18). 19 мая.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.** (2008): Макроэкономические теории. Реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: ЛКИ. URSS.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.** (2010): Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис.
- Меньшиков С.М.** (2007): Сумеем ли мы восстановиться как империя? // *Известия*. № 111. 28 июня.
- Овчинников В.** (2010): Паруса и штурвал. Три урока китайской экономики // *Российская газета*. 22 янв.
- Попов Г.Х.** (2008): Об экономическом кризисе 2008 года. М.: Фонд Плеханова.
- Савиных А., Реут А.** (2008): Правительство поставило себе пятерку // *Известия*. № 103.
- Соколов М.** (2009): Житель стеклянного дома // *Известия*. № 121.
- Стиглиц Дж.** (2003): Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль.
- Maddison A.** (2007): Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD publication.

Поступила в редакцию  
20.06.2010 г.

## **Crisis in Russia – a Glance from the Day before Yesterday, Yesterday, Today and Tomorrow**

**V.N. Livshits, T.I. Tischenko, M.P. Frolova**

The character of the present crisis in Russia is analyzed. It is shown that it has got a long-term and system nature and affects all the industries and regions of Russia, as well as all the spheres – economic, social, investment and the others. It is pointed that the main reason for its development is ineffective tactics of implementing radical reform in the country – according to the Russian variant of monetarist macroeconomic theory. A short comparative analysis is given concerning the results of the reforms in Russia and China, where they are being implemented according to evolutionary tactics, and much more successfully.

**Keywords:** financial crisis, system crisis, monetary theory, Washington consensus, stationary and non-stationary economy, strategy and tactics of reforms, state regulation of economy.